

ЗИНАИДА ГИППИУС

ОСТРАЯ
ТОЧКА

Зинаида Гиппиус

Острая точка

«Public Domain»

1908

Гиппиус З. Н.

Острая точка / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1908

«Очень много у нас говорят теперь о «молодежи». Много, а может быть, и слишком мало. Болтают скорее, а не говорят. Перед литературной молодежью – то преклоняются, то ее осмеивают. Факт, что дети нашего времени внезапно, не по летам, не по годам, – выросли, не только в литературе, но и во всей жизни, этот факт или не замечают, или его пугаются, кричат, бранятся и с перепугу клеветуют. Отцы, впрочем, чрезвычайно склонны бояться своих детей: трудно им взглядеться тут объективно, судить беспристрастно. А между тем взглядываться необходимо...»

© Гиппиус З. Н., 1908

© Public Domain, 1908

Зинаида Гиппиус

Острая точка

Очень много у нас говорят теперь о «молодежи». Много, а может быть, и слишком мало. Болтают скорее, а не говорят. Перед литературной молодежью – то преклоняются, то ее осмеивают. Факт, что дети нашего времени внезапно, не по летам, не по годам, – выросли, не только в литературе, но и во всей жизни, этот факт или не замечают, или его пугаются, кричат, бранятся и с перепугу клеветают. Отцы, впрочем, чрезвычайно склонны бояться своих детей: трудно им взглянуть тут объективно, судить беспристрастно. А между тем взгляды необходимы. Когда происходит общий перелом жизни, одна из самых острых его точек – в полосе юности. Кто они, какие они, эти сразу выросшие, среди обломков нашего быта, дети? Чего они хотят, какие вопросы их стали мучить, чем они страдают – и страдают ли? И смогут ли они жить, совершенно оторвавшись от прошлого, одни, между собой, своим собственным лагерем, враждебным лагерю отцов?

В том-то вся и трудность, что надо бы раньше всего разбить эту взаимную враждебность, – а ее, кажется, разбить нельзя. Для этого надо было бы отцам отказаться от своей «отцовской» психологии, а детям – от их детской. А это глубокий и общий переворот, и не достигается он единичным усилием разума. Здесь замешано начало внеразумное, родовое, начало стихийное и безличное. Дана именно безличность взаимных отношений, тогда как только отношения личные могут привести к пониманию друг друга. Спросите любого отца по совести (сейчас я говорю о родных отцах и детях), разве для него сын – личность, хотя бы только становящаяся? Нет, но прежде всего сын, и чаще всего только сын. Отец может, притворяясь равным (с педагогической целью) – учить сына, но согласится ли он, что сын кое-что лучше знает, дальше видит и может поучить его? О, никогда. Отцы упрямы, независимо от их типа, т. е. не соглашаются ли они, запугивая, или не соглашаются запуганно, как старик Базаров у Тургенева. В обоих случаях они ничего от сыновей не принимают и ничего не понимают.

Таковы родные отцы. Но разве у человека, имеющего психологию отца по отношению к своим детям, не вырабатывается эта отцовская психология и к детям вообще, к юности, к следующему поколению? Непременно вырабатывается. Конечно, и «детская» психология не лучше; ведь и она равно безлична. Виноваты ли в ней «отцы» – трудно сказать. Кто виноват? Да и есть ли тут вообще чья-нибудь вина? Не знаю. Я только исследую факт, – несомненный, – и его причины.

Плохо, что обе стороны винят друг друга. Уж лучше бы им молча разойтись. Но молча уходят скорее дети, они свободнее, да и молодой самоуверенности, иногда опрометчивой, у них больше. Отцы, в бессильном раздражении, в искренней любви своей, может быть, – или отвертываются, или преувеличивают «ужасы» новых взглядов молодежи.

Грубость статьи Меньшикова «Зеленая опасность» беспримерна. Но на то он и Меньшиков – единственный в своем роде. Однако элемент... не то что грубости, а негодующего страха перед иными «направлениями» молодежи, страха, сквозящего и у Меньшикова, встречается повсюду. Страх этот не безоснователен... но бесплоден. Никакая педагогика, никакое внушение, напоминание о «вечных, привычных нравственных законах» не убедит члена общества «Огарков» (если такое существует) и не приведет его кающегося на грудь отца. По признанию самих «детей», проповеди кончались лишь тем, что отец кричал: «Дальтонист! Нравственный урод!» и хлопал дверью. Напрасно только дети жалуются на это, ставят отцам в вину: «сердится, не хочет спокойно рассудить, понять»... Не не хочет, а не может. И так оно и должно быть. О половой морали, например (а это самый острый вопрос) – сыну с отцом говорить не то, что «безнравственно», а просто невозможно; противно это самой природе человеческой, ее тончайшим внутренним ощущениям.

Один из наших глубоких «плотовидцев», проникновенный учитель свойств рода и пола, В. Розанов, замечает где-то, что родовое чувство – тоже чувство половое, и оно всегда обращено вперед, никогда назад. Волны рода не текут вспять. Пол сына, личный, должен быть отвержен от отца, сокрыт от него, так же как и отцовский – от сына. Сын и отец не могут беседовать о вопросах пола и половой этики, как равные, не могут тут встречаться лицом к лицу: между ними уж есть пол, – и пол определенный, законченный, безличный: родовая связь. Скрепляя их – она вместе с тем устанавливает между ними непереступное расстояние, утверждает их взаимное положение – на близких, но разных ступенях лестницы.

О всяких обществах «Огарков», «Лови момент» и других – много, конечно, напутано, наплутано и навывдумано: тут опять отцовский страх, а у страха всегда глаза велики. Но несомненно, что перелом какой-то совершается, что молодость наших дней, в громадном большинстве своем, ищет новых устоев внутренней жизни; а их нельзя искать без коренного пересмотра старых.

Опасны эти пересмотры... о, да. Но неизбежны, необходимы и желанны. Для молодежи они тем опаснее, чем больше она предоставлена самой себе, чем безнадежнее она порывает свою связь с прошлым. А она иногда ее порывает всю, отчаявшись сговориться с «отцами»... Да зачем с ними сговариваться? Учить отцы ничему не могут, в некоторых вопросах нравственности даже и не должны, – но учиться у отцов, на отцах – должно и можно. «Я не пролетарий, – говорит Бердяев в своей последней книге, – я дорожу наследством моих предков, наследством истории». Человек, вступающий в жизнь и принципиально отказывающийся от этого наследства, заранее, без пересмотра решающий, что там нет ничего для него годного, – такой человек дальше «пролетарства» в самом дурном смысле, даже босячества, внутреннего хулиганства, – не пойдет. Пусть он и силен, пусть гениален, – не пойдет. Он без корней, и никакой новой жизни ему не создать, да пожалуй и старой, как следует, не разрушить.

Разрыв с отцами – еще вовсе не отказ от «прошлого», и даже отнюдь не разрыв непременно со всем предыдущим поколением. Молодежь не может и не должна отказываться от живого общения со своими современниками только потому, что они их старше; нельзя запирается в себе. Ведь иначе выходило бы, что определение личности – ее возраст или что вообще никакой «личности» нет, а есть особые породы людские, одна до 20–24 лет, другая – свыше. Психология «отцов» – не всеобщая психология людей, проживших известное количество лет на свете. Так же, как и «детская»; чем ярче личность – тем слабее в ней чувство родовое. Кроме того, мне иногда кажется, что между «отцами» и «детьми» всегда стоит, на самом переломе, какое-то третье поколение. Это люди промежуточной ступени, люди свободные от обоих родовых психологий, не «отцы» и не «дети», но одинаково видящие и тех и других. Они есть и в литературе наших дней. (Как первый попавшийся пример – приведу Ф. Сологуба.) Ведь литература – кусок все той же, сложной, жизни. Если это «третье» поколение гораздо ближе к «детям», чем к отцам, то потому, что с «отцами» вообще нечего делать, нечем вместе заниматься: они неподвижны, имеют что имеют, у них можно только брать, а сами они ни с кем уже не идут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.